

1.

— У меня профессия по фамилии. Или фамилия по профессии—это уж кому как нравится,—говорил Андрей Жмуров. И уточнял:—Жмуриков я вожу.

То есть работал Андрей Прохорович водителем катафалка и к своему невесёлому ремеслу относился философски. Проявлялось это и в том, что был Жмуров в своём роде эстет: на работу всегда выходил в белом. Сначала это был белый костюм, позже появилась белая куртка, к которой в срочном порядке были сшиты белые брюки. А появление самой куртки имело предысторию.

Надо сказать, что в зрелом возрасте прочитал Андрей Прохорович всего одну книгу, но зато какую! Это был роман колумбийца Габриэля Маркеса. Книгу увидел он на столе сына, сам не зная почему взял в руки, раскрыл... Первая же фраза о льде, о детских воспоминаниях полковника Аурелиано Буэндиа перед его расстрелом зацепила. Жмуров стал читать. Роман заворожил, и он ничего уже не делал, пока не дочитал до конца,—даже к столу садился с книгой. А потом увидел и фотографию автора в знаменитой белой куртке. И решил тогда сшить себе такую же. К куртке же потребовались и особенные брюки. Позже и усы было отпустил, но потом решил, что слишком уж по-мальчишески будет так копировать знаменитость. Усы он сбрил и всегда был идеально выбритым.

Теперь, имея два варианта рабочей одежды, он надевал то костюм, то куртку с брюками—в зависимости от того, кого приходилось везти на кладбище. Как определял он, что именно предстояло надеть, наверное, не объяснил бы и сам. Костюм вовсе не означал более высокий ранг «клиента» Андрея Прохоровича; скорее всего, действовал Жмуров интуитивно, полагаясь на эмоциональный посыл, который улавливал только он один. Да и то сказать: городок маленький, все, считай, друг друга знают, так что ошибиться Андрей Прохорович не мог. И, видно, не ошибался: ни разу не услышал он хоть какого-нибудь упрёка от родных покойных. Донимали другие, которым, казалось бы, и вовсе никакого дела не должно быть. Жмуров молчал, отмахиваясь от любопытных, как от назойливых мух. А уж если сильно допекали, то невозмутимо объяснял:

— Я пытаюсь представить, какой моей одежде клиент был бы рад при жизни,—так и выбираю.

И на упрёки в том, что у людей, мол, горе, а он, Жмуров, появляется в радостном белом, тоже отвечал спокойно и обстоятельно:

— Да не радость это, а торжественность. Ну представь: все в чёрном, а я один в белом—впереди. И люди понимают, что событие не рядовое, и я их покойника в другой мир перевожу в белом и чистом. Тут философия!

Иногда более просвещённые критики ехидно спрашивали:

— Ты что, китаец, что ли? Это у них белый цвет траурный.

И тогда, картинно выдержав паузу, Жмуров приводил самый весомый аргумент:

— А известно ли вам, что белый цвет считался траурным не только у китайцев, но и у древних славян?

После такого довода любопытные замолкали. И уже не выясняли, откуда у водителя катафалка такие познания. Сам же Жмуров до разъяснений не снисходил.

К необычному виду водителя со временем привыкли. Кто-то, правда, продолжал считать Андрея Прохоровича чудиком, но и они принимали поведение Жмурова как должное. Но однажды решил Жмуров дополнить свою уже вроде бы и униформу ещё одним элементом—белой шляпой. Искал долго, съездил в областной центр, объездил другие города области—ничего похожего. Помог сосед, посоветовав:

— Хочешь найти что-либо уникальное—поройся в гуманитарке.

А ведь как прижилось это слово! Поначалу так называли грузы, которые привозили сердобольные немцы. Как только открыли границы, в область зачастили гости из ставшей вдруг близкой Германии. Привозили они диковинные на ту пору продукты и не новую уже одежду в детские дома, в интернаты, раздавали через собесы малоимущим гражданам. И такие грузы назывались гуманитарными, а проще—гуманитаркой. Но нашлись предприимчивые граждане—организовали доставку из Германии поношенной одежды. Там они закупали её на вес, а дома продавали, как и положено продавать одежду,—поштучно. Выгодное оказалось

дело. Но Андрей Прохорович нововведений не признавал и приятелю возразил:

— Какая ещё гуманитарка?! Скажи уж прямо — обноси! А я обноси не носил и не стану!

— Да не кипятись ты, чудак-человек, — возразил приятель, — а лучше рассуди. Ну вот пойдёшь ты в магазин, ну найдёшь себе шляпу. Но, кроме этой, там ещё пяток таких же будет, а на рынке пороешься в развалах гуманитарки — и найдёшь единственный экземпляр. Моя баба постоянно там копошится. Вот погляди на мой костюмчик. Хорош? То-то. И другого такого в городе не найдёшь. А всё оттуда, из гуманитарки этой. И цены смешные.

Долго боролся с собой Жмуров, наконец буркнул жене: подыщи, мол, что-нибудь приличное. В этот же день принесла она изумительной красоты головной убор — белую, с изящно загнутыми полями, шляпу. Андрей Прохорович попку взял, но распивший его восторг постарался не показать и всё сдерживал предательски выползавшую почти детскую радостную улыбку. Шляпу осмотрел внимательно. Она была почти новая — если и надевали её, то не больше двух-трёх раз. Но Жмуров достал из аптечки пузырёк с медицинским спиртом, смочил ватку и тщательно протёр туюль с внутренней стороны. Лишь после этого водрузил обновку на голову, глянул в зеркало — и понял, что со шляпой теперь не расстанется.

А вскоре появился человек, который не только по достоинству оценил броский внешний вид Жмурова, но и нашёл ему хорошее применение. Новый директор их скорбного предприятия хоть и был молодым, но сразу показал себя человеком, пекущимся о деле. Он пришёл с целой папкой идей и планов и сразу принял их внедрять. Увидев на территории предприятия столь необычного водителя, он пригласил его в кабинет. Усадил в кресло у низенького отдельного столика, сам сел в другое. Секретарша принесла чай, фрукты, конфеты. Директор взял из вазы банан и, протянув Журову, начал:

— Андрей Прохорович, давайте сразу по существу. Мне нравятся такие люди, как вы, нравится такое отношение к делу. Мне хочется, чтобы и у других людей, у горожан, отношение к нам изменилось.

Жмуров молча кивнул. Директор продолжал: — Ведь как люди относятся к нам, к нашей службе? Как к чему-то страшному, неприятному. Нас побаиваются и, мне кажется, не любят. Надо изменить положение. Вы согласны?

Жмуров сдержанно согласился. Он вообще старался держаться степенно, не проявлять своих чувств, хотя согласен был с директором абсолютно. Его и самого раздражали товарищи-водители в грязной обуви, засаленных кепках. А директор рассказывал, что он намерен изменить и как улучшить работу предприятия. Жмуров кивал, а сам хотел

понять, почему именно с ним, водителем, делится директор своими идеями. И, словно прочитав его мысли, директор сказал:

— И вы, Андрей Прохорович, могли бы мне помочь. Для начала убедите своих товарищей-водителей, чтобы и они выглядели столь же аккуратно и привлекательно. Вы станете, так сказать, лицом нашей фирмы. Рекламные проспекты с вашей фотографией выпустим. А мы, руководство, в свою очередь, поддержим вас.

И действительно ведь поддержал. На следующей же неделе в проходной был вывешен приказ о поощрении водителя Жмурова Андрея Прохоровича денежной премией за создание положительного образа работника предприятия. Так и было написано, словно Жмуров не водила, а писатель. И проспекты рекламные тоже появились, на них Жмуров предстал в своём ослепительно-белом наряде.

Поначалу товарищи позубоскалили: мол, выбирается Прохорыч в рабочую интеллигенцию или, чего доброго, в особу, приближённую к начальству, — позавидовали ему немного — не без этого, но потом было замечено, что и другие водители и даже механики стараются быть опрятнее. Конечно, обрядиться в белое никто себе не позволил — Жмуров оставался здесь единственным и неповторимым.

С новым директором на предприятии и впрямь многое изменилось. Первым делом повысил директор зарплату всем работникам. Где он нашёл дополнительные средства, работяг не интересовало, но все были довольны. Придумал директор и новое броское название. Теперь это было не безликое предприятие ритуальных услуг, а фирма с собственным именем. Как потом объяснил Жмурову внук, имя это взяли из древнегреческой мифологии. И это тоже понравилось Жмурову — значит, работа их культурная, не грубая.

— Вот что значит думающий человек, профессионал и при этом частник, — убеждал Жмуров знакомых. — Разве в прежние времена, при плане, такое могло быть? Нет, что ни говори, а в капитализме этом много положительного. Надо только, чтобы было по уму и по совести.

Своё предприятие и его директора защищал Андрей Прохорович всюду, где только мог. Даже в районную газету про него написал. Сам он, конечно, никогда не додумался бы до этого. Но пришёл в их фирму журналист, ходил, смотрел, фотографировал. Жмурова пригласили, посадили с журналистом в комнате отдыха. Устроили такую комнату в бывшем красном уголке и назвали комнатой релаксации — никак не мог запомнить Жмуров это слово! В этой комнате и сидели они: журналист спрашивал, Жмуров отвечал и рассказывал. Потом журналист приехал ещё раз, показал Жмурову статью, отпечатанную на бумаге,

будто это он, водитель Андрей Жмуров, написал, даже фамилия его внизу стояла. Жмуров статью прочитал — вроде ничего не приврал журналист. Кивнул головой: мол, всё верно.

— Тогда подпишите здесь, — журналист даже ручку держал наготове.

Жмуров не без удовольствия поставил свою размашистую подпись. А через два дня на стенде в проходной висел свежий номер газеты, а в нём статья якобы Жмурова с его же фотографией.

— Ну, Андрюха у нас теперь писатель, — зубоскалили товарищи.

А Жмуров, хоть и отмахивался от них, в душе ликовал. Всё ведь складывалось хорошо. Правда, знает он о том, что директор и редактор газеты — хорошие приятели и что всю эту публикацию придумал сам директор, радости, возможно, было бы меньше. Но вот желание директора стать депутатом местного районного совета Жмуров подержал сразу и даже стал его доверенным лицом.

Но понемногу начал Жмуров замечать, что прежние его хорошие знакомые теперь стали как-то иначе относиться к нему, словно сторонились, старались подолгу не общаться. А однажды старый приятель прямо сказал:

— Разжирел ты, Жмуров, зажмурился совсем — правды не видишь. Словно не Андрюха ты Жмуров, а куркуль какой!

— А какая такая правда у тебя, что я не знаю?

— А такая, что директор твой и вся ваша контора — злыдни и кровопийцы.

Это было уж слишком. Жмуров и правда был доволен, что предприятие на хорошем счету, что ещё немного — и процветать станет, не без основания считал, что и сам причастен к этому. Словом, за предприятие своё горой стоял и поэтому сейчас вспылил:

— Это кто же кровопийца? Может, и я? Ты давай договаривай!

— Ты, Андрюха, не кипятись, — продолжал приятель, — а послушай и сам рассуди. Не ты ли сам говорил, что директор ваш с кем-то там договорился, и как только скорая определяет смерть человека, вам первым сообщают? Говорил?

— Ну, говорил...

— И что не успевают отвезти покойника в морг, ваши тут как тут со своими бумажками-картинками. Мол, гроб мы вам такой сделаем, венки этикие. И суют обалдевшим людям бумажки какие-то. Те ещё отойти от горя не могут, но соображают ничего, подписывают. А потом получается, что половина из всего этого на фиг им не нужна. А платить надо — договор-то есть. Но самое гадкое, друг ты мой Жмуров, что люди не могут отказаться, в другую фирму пойти. У вас же мелким таким, малепусеньким шрифтом написано в каждом документе: с момента подписания клиент имеет дело только с вами и к другим обратиться не может.

Иначе неустойка огромная грозит. Что молчишь? Скажешь, не знал?

А Жмуров действительно таких подробностей не знал, не задумывался и вникать не хотел во всякие анкеты, положения и прочую бухгалтерию. Но показать перед приятелями свою неосведомлённость ему тоже не хотелось, и поэтому он промолчал. Он ведь и впрямь был если не правой рукой нового директора, то, во всяком случае, человеком, близким к нему. Так считал сам Жмуров. Ему нравились многие начинания директора, нравились его деловитость, напористость и при этом вежливость и обходительность. Словом, нравился ему директор. И слушать сейчас товарищей было Жмурову неприятно. Не хотелось сознавать их правоту. Но что поделаешь, если возразить нечего? Жмуров потоптался ещё немного и пошёл прочь.

2.

Однажды совершенно неожиданно Жмуров пришёл с работы пьяный. Впервые в жизни. С тех пор как Андрей Петрович сел за руль, он позволял себе опрокинуть рюмочку-другую лишь в отпуске и в те дни, когда абсолютно был уверен, что его не вызовут срочно на работу. А тут напился, да ещё недопитую бутылку принёс с собой. Так и шёл по городу: в белом, но уже грязном костюме, белой шляпе и с торчащим из кармана брюк горлышком бутылки. Вернее, он пытался напиться, но хмель до конца его не брал. Были только тяжёлый туман в голове и сухая злость в сердце. Впервые же накричал на жену, придрался к какому-то пустяку. Хлопнул дверью и ушёл в свой гараж. Здесь, где пахло железом, солидолом, машинным маслом и бензином, Жмуров часто отдыхал, здесь ему становилось легче. Но не сегодня.

Накануне он случайно услышал телефонный разговор — говорил директор:

— Ну, потерпи, потерпи немного, подожди чуть-чуть. Никак не созреют эти родственники. Понимаю, что забит холодильник... Ну ладно, часа через два позвоню, сообщу результат.

Жмуров догадался, что разговаривал директор с начальником морга. Там действительно уже неделю лежали два трупа, которые давно следовало бы похоронить. Но родственники никак не могли внести оставшуюся сумму, и директор распорядился «с похоронами повременить». А потом услышал Жмуров, как директор сказал секретарше:

— Леночка, обзвони вот этих родственников — думают они платить или нет? Предупреди, что, если сегодня до трёх часов не заплатят, похороним сами по самому экономному варианту.

И опять не придавал он этим словам особого значения. Мало ли какие расценки ввёл директор? Да и своими делами лучше заниматься.

На следующий день выездов было немного. Жмуров уже завершал свою рабочую смену. Он думал выехать с кладбища по той же дорожке, по которой приехал, но у свежей могилы было много людей, и они перегородили выезд. В таких случаях Жмуров бывал деликатен. Он не стал сигналить, не стал просить людей разойтись, а развернулся и поехал дальними, менее разработанными тропками. Автомобиль качало на кочках, за бампер цеплялись разросшиеся сорняки. Наконец он выехал на самую отдалённую часть кладбища и там увидел своих. Работал экскаватор, рыл очередные могилы. Подумал ещё Андрей Прохорович, что много людей умирает — вон как далеко ушли могилы. Но когда подъехал ближе, то увидел, что роют всего-то одну могилу, и какую-то странную — слишком широкую и длинную. Он заглушил мотор и вышел из автомобиля.

— Эй, Петро, — крикнул он экскаваторщику, — что за траншею вырыл? Для обороны? Воевать собираешься?

Но экскаваторщик шутку не оценил. — Как приказали, так и вырыл, — раздражённо буркнул он, желая побыстрее отделаться от слишком наблюдательного и докучливого Жмурова.

Но Жмуров продолжал наседать:

— Кто приказал? Зачем это?

— Кто-кто... Начальство, — сказал Пётр и, давая понять, что разговор окончен, направился к своему экскаватору.

— Да постой ты, Петро! Объясни толком

Экскаваторщик с досадой хлопнул дверью, та, не захлопнувшись, снова открылась. Экскаваторщик выплюнул окуроч:

— Слушай, Жмуров, ты, кажется, в гараж ехал? Ну и поезжай. А нам работать не мешай. И что ты во все щели лезешь? Всё высматриваешь, выясняешь. При начальстве решил быть? Всё докладывать? Но тут нас не подловишь — всё по личному распоряжению!

Жмуров хотел было ответить, но рядом вовсю тархтел приближающийся трактор, таща за собой прицеп. В прицепе лежали три грубо сколоченных из неструганых досок гроба. Трактор остановился так, что прицеп оказался перед самой траншеей. Мотор заурчал иначе — и Жмуров догадался. В своём белом одеянии он бросился по только что образованной насыпи к трактору, споткнулся, увяз в грунте, но всё же взобрался на гусеницу и рванул дверцу, пытаясь её открыть, и кричал при этом экскаваторщику:

— Стой! Что ты делаешь?! Прекрати!

Но тот, не обращая внимания на стоящего за кабиной на гусенице трактора Жмурова, деловито управлял техникой. Кузов прицепа стал медленно подниматься, и Жмуров увидел, как гробы заскользили вниз, в траншею. Тракторист приоткрыл дверцу и, всё так же не оборачиваясь

к Жмурову, легко столкнул его с гусеницы со словами:

— Отстань, Андрюха, уйди — как бы не покалечился.

Жмуров соскочил, но, не удержавшись, сел на свежий грунт. Трактор медленно тронулся, увлекая за собою прицеп, а из прицепа в траншею так же медленно, но со стуком упали три гроба. Два из них легли хорошо, а третий, зацепившись подобием ножки за крышку второго, застрял в наклонном положении. Двое рабочих, что стояли, опираясь на лопаты, и покуривали, проворно прыгнули в траншею прямо на крышку двух гробов и черенками лопат столкнули его. С глухим стуком гроб занял своё место в траншее. Жмуров поднялся и бросился к вылезшему уже из кабины трактористу. Но тот, не дав Жмурову и рта раскрыть, отстранил его рукой и крикнул:

— Давай, Петро

Нож бульдозера громко стукнулся о землю, и бульдозер пополз на Жмурова. Тот едва успел отскочить и только покрутил пальцем у виска. Двое рабочих, те, что сталкивали гроб в траншею, теперь стояли в стороне, приставив черенки лопат к ноге, как карабины. А бульдозер урчал, и вскоре вся траншея была засыпана. Снявшись со своего караула, рабочие соорудили из излишков земли небольшой длинный холмик, установили деревянный столбик с номером захоронения. Один из рабочих несколько раз пристукнул тыльной стороной лопаты по склонам холмика и, довольный своей работой, отошёл. А Жмуров не унимался: — Что ж вы это, мужики, так? Не по-людски это! Почему без родных, как собак каких-то?

— А то ты не знаешь почему? — огрызнулся тракторист. — Да и что ты к нам-то пристал? Мы люди маленькие. Иди у своего дружка выясняй.

— У какого такого дружка?

— У начальника! Вы же с ним чашка-ложка. Ты у него теперь правая рука. А нам что? Мы знать не знаем, ведать не ведаем. Нам выдали наличку и...

Тут тракторист осёкся и мельком взглянул на товарищей: не сболтнул ли чего лишнего? Те неодобрительно покачали головами. Но Жмуров переглядываний не заметил, он решил пойти прямо к директору и рассказать ему о безобразии, так сказать, глаза раскрыть. А если директору всё это известно, то воззвать к совести и сочувствию.

Похоже, директора успели предупредить, и он спешил выйти из своего кабинета, но столкнулся в дверях со Жмуровым. В кабинет его не пригласил, не предложил даже сесть на стул в приёмной, а поговорил стоя, мимоходом. На все торопливые доводы водителя спокойно и рассудительно ответил, что фирма не может заниматься благотворительностью («Вы же не станете спорить, что за всё надо платить?»), объяснил, что и так долго ждали, но, коль не смогли родственники вовремя

оплатить по тарифам... Директор не договорил и развёл руками.

А Жмуров смотрел на его молодое красивое лицо, на идеально подстриженные и уложенные волосы, на дорогой костюм и элегантный галстук с изящной заколкой, чувствовал исходящий от директора аромат туалетной воды, и ему захотелось, нет, не ударить, а смять всё это — лицо, причёску, костюм. Смять, перемешать, разровнять, чтобы стало всё похоже на перемешанную с травой кладбищенскую землю. Но только махнул коротко рукой, повернулся, чтобы уйти, потом остановился, словно хотел что-то сказать, но передумал и вышел.

Всё это вспомнил Жмуров, сидя в гараже. Он немного пришёл в себя и решил пройтись по вечернему городу, чтобы привести мысли в порядок.

Он корил себя за то, что напился, что жене досталось, думал, как мириться станет. Только что прошёл дождь, и на тротуаре, недавно вымощенном новой плиткой, подошвы скользили. Жмуров сошёл на проезжую часть — асфальт был менее скользким. Его белые брюки были испачканы и забрызганы, но Жмуров уже не замечал этого, словно ему стал безразличен его внешний вид. Даже шляпу он снял и нёс в руке.

Он не сразу заметил два огромных светящихся глаза, появившихся из-за поворота. Фары надвигались прямо на него. Жмуров отпрыгнул и почувствовал спиной холод кирпичной стены. «Как на расстреле», — подумал он...

А белая шляпа ещё несколько метров катилась по дороге.